

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Научная статья

УДК 008:14

doi: 10.20323/1813-145X-2021-6-123-196-201

Концепт «революционная мечта» в философской прозе Андрея Платонова

Сергей Анатольевич Никольский

Доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры ФГБУН «Институт философии РАН». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

s-nickolsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Аннотация. В философской прозе Андрея Платонова концепт «революционная мечта» занимает центральное место. Концепт имел прочную основу — веру во всемогущество «единственно верного» учения Карла Маркса и недавний опыт победы в Гражданской войне. Органичными для умонастроений и практической деятельности революционной молодежи, к которой в 20-е гг. относился и сам Платонов, были и составные части «революционной мечты» — безудержная фантазия и неумный фанатизм. Однако, в отличие от других, Платонов был не только одним из создателей нового общества, но и размышляющим свидетелем, который прозревал генезис большевизма как небывалого в истории, искусственно сконструированного политического и социально-экономического уклада. Начало советскому укладу положил 1917 г., а окончательное его становление состоялось к 1937/1938 гг., отмеченным финалом коллективизации, полным разгромом всех оппозиций и пиком репрессий. Именно в этот период пришедший в Россию из Европы марксизм был полностью преобразован в марксизм ленинско-сталинского типа. То, как концепт «революционная мечта» рассматривается Платоновым, показано на материале как его ранних рассказов, так и зрелых больших текстов — повестей и романов «Ювенильное море», «Котлован», «Чевенгур».

Ключевые слова: революция, концепт, человек, фантазия, воображение, фанатизм, литература, философия, история

Для цитирования: Никольский С. А. Концепт «революционная мечта» в философской прозе Андрея Платонова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 6 (123). С. 196-201. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-196-201>.

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

The «revolutionary dream» concept in Andrey Platonov's philosophical prose

Sergei A. Nikolsky

Doctor of philosophical sciences, chief researcher, head of the sector of culture philosophy, FSBIS «Institute of philosophy of the Russian academy of sciences». 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12, building 1

s-nickolsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Abstract. The «revolutionary dream» concept is central in the philosophical prose of Andrei Platonov. This concept had a solid foundation — the belief in omnipotence of the «only correct» doctrine of Karl Marx and the recent experience of victory in the Civil war. The components of the «revolutionary dream» — unrestrained imagination and

irrepressible fanaticism — were essential characteristics of the mentality and practical activity of revolutionary young men, to whom Platonov belonged himself in the twenties. However, unlike others, Platonov was not just one of the creators of a new society, but also a reflective witness seeing the genesis of Bolshevism as an unprecedented in history artificially constructed political and socio-economic system. 1917 was the beginning of the Soviet way of life. By 1937-1938 its formation was finished with the Collectivization completion, total defeat of all oppositions and the peak of repressions. It was during this period that the Marxism that came to Russia from Europe was completely transformed into Marxism of the Leninism and Stalinism type. The way Platonov considers the «revolutionary dream» concept is demonstrated both on the material of his early stories and later large texts — stories and novels «Sea of Youth», «The Foundation Pit», «Chevengur».

Keywords: revolution, concept, man, fantasy, imagination, fanaticism, literature, philosophy, history

For citation: Nikolsky S. A. The «revolutionary dream» concept in Andrey Platonov's philosophical prose. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(6):196-201. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-196-201>.

Введение

В России фантазия и мечта о «мировом СССР» [Ленин, 1969b, с. 230] была распространена среди коммунистов, рабочей молодежи и революционно настроенной интеллигенции. Ее пропагандистом в начале 20-х гг. был и Андрей Платонов. В силу пролетарского происхождения и недюжинного таланта он обнаружил в действительности основу революционности — мечту о светлом завтрашнем дне России, всего мира и даже вселенной. Первоначально концепт находим в ранних платоновских рассказах, потому что, как толкует исследователь, «люди должны понять, насколько могущественно их сознание, и направить все силы на интеллектуальную и трудовую деятельность, и тогда мир покорится воле человека, а земля превратится в уютный дом человечества» [Геллер, 1982, с. 29].

В сознании молодежи из низов гарантия счастья имела фундамент — веру во всеислие «единственно верного» учения Маркса и победу в гражданской войне. Эти составляющие, помноженные на склонность «духа русской народности... в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности» [Достоевский, 1984, с. 147], составили ядро «революционной мечты».

Фантазия, воображение, утопия и фанатизм постоянно присутствуют в творчестве Андрея Платонова. Писатель-мыслитель с середины 20-х гг. наиболее ориентирован на фундаментальные вопросы человеческого бытия, масштабен в исканиях, глубок в прозрениях, адекватно сопричастен эпохе. Этот поворотный пункт мировоззрения отмечает и английский исследователь Роберт Чандлер: с середины 20-х гг. Платонов стал «предостерегать от надвигающихся ужасов сталинизма» [Чандлер, 2004, с. 177].

Его предмет — не феномены, а ноумены. Он авторитетный свидетель, наблюдавший генезис большевизма — сконструированного социально-экономического уклада. Начало укладу положил

1917 г., а окончательное его становление состоялось в 1937 г. Этот год был знаменателен финалом коллективизации, разгромом оппозиций и пиком репрессий. В этот период европейский марксизм был преобразован в марксизм ленинско-сталинского типа. Эпохе также была присуща и культурная особенность — надежды на доминирование науки.

Дирижистская марксистская модель, возникшая в XX в на волне критики либерализма Запада, в России соединилась с доморощенным космизмом. Среди космистов следует назвать Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского. Не миновал этого влияния и Андрей Платонов, что отмечают исследователи, например, Е. Толстая [Толстая, 2002, с. 295-304]. Будущее Федоров, например, видел в активном сотворчестве с Богом, а в воззрениях Циолковского технократизм сочетался с натурфилософией. Вернадский развивал концепцию ноосферы и был убежден в вечности жизни, а Чижевский говорил о влиянии космоса на историю и культуру [Алешин, 2015]. Тема космической миссии человечества — сквозная и в раннем платоновском творчестве.

Идейное содержание эпохи совпадало с платоновскими размышлениями о приспособлении марксизма к русской почве (председатель чевенгурского ревкома Чепурный говорил: «Ты, Прош, не думай сильнее Карла Маркса: он же от осторожности выдумывал, что хуже, а раз мы сейчас коммунизм можем поставить, то Марксу тем лучше...») [Платонов, 2011с, с. 249].

Фантазию и фанатизм Платонов считал главными качествами большевизма, и напрасно Ленин незадолго до смерти начавший сознавать не только созидательную, но и разрушительную силу революции, от фанатичной революционности предостерегал [Ленин, 1970b, с. 223]. К насильственному энтузиазму народа добавлялись ис-

конные свойства его «природы», о которых ранее предупреждал Максим Горький [Nikolsky, 2019].

Фантазия и фанатизм — сердцевина концепта

Фантазия и фанатизм — две части концепта «революционная мечта» — входят в главную идею творчества Платонова — бытие советского человека есть бытие в состоянии «жизни-смерти» [Никольский, 2014]. И более всего для анализа этого состояния подходил жанр мениппеи (М. Бахтин), в русле которого формулируются последние вопросы бытия [Бахтин, 1963, с. 198]. Можно согласиться и с удачным определением Е. Толстой о том, что платоновским философско-художественным размышлениям присуща «коллективистская метафизичность» [Толстая, 2002, с. 308]. При этом последние вопросы бытия, вся речь героев формулируются на особом платоновском языке [Seifrid, 2009, p. 161]. «Платонов пишет неуклюжим, раздробленным языком, соответствующим духу России, опрокинутой вверх дном» [Чандлер, 2004, с. 172].

В ранних платоновских рассказах «революционная мечта» — многогранный феномен. Так, завершившаяся Первая мировая война и Гражданская война породили в людях состояние усталости и апатии. В ответ на призыв стариков седлать коней и оборонять от бегущих остатков белой армии христианские ценности «сорокалетние сынки помалкивали и в томлении глядели за станцию в вечеряющие просторы. Они знали, что такое война, а креста не чуяли так, как отцы, им больше хотелось овец и волов, каменный дом, ухватливую хозяйку. И хоть грех в церковь не ходить, но и жить в бедности и разорении, стегать на коне по степи — не модель» [Платонов, 2011а, с. 258].

А чем им хотелось бы заниматься? Вот Ерик, к примеру «пахал, думал, ходил по полю и считал облака. К вечеру он ворочался на деревню и щупал девок. Ерик не верил ни в Бога, ни во врага. “Все человечье, — думал он, — и нет у земли концов. Что захочу, беспременно сделаю. Захочу скорбь произведу, захочу радость”» [Платонов, 2011b, с. 275]. Этот персонаж — пример платоновского героя, в ком вызревала «революционная мечта», до времени не имеющая конкретной цели. И он, похоже, не был одинок. Вспомним образ Макара Нагульнова из «Поднятой целины» М. Шолохова.

Однако вскорости является некто, кто такую цель ставит. «Раз приходит к нему враг рода человеческого и говорит:

Хошь, я тебя научу людей из глины лепить? Давай, — сказал Ерик.

...И научил Ерика людей лепить из глины, из земли и всякой пакости, если ее наслюнявить.

Наделал Ерик людей целый полк и распустил их по всему пузу земли искать у нее четырех концов. Разошлись вражки и Ериковы дети и пропали: ни слуху ни духу. И Ерик уж позабыл их и принялся за новое дело — задумал небо проломить и голову в дырку наверх просунуть и поглядеть — есть там Бог или спрятался» [Платонов, 2011b, с. 275-276].

А «вражки дети», отрекшись от Бога и врага рода человеческого, «задумали перевернуть мир и показать всем, что он есть пакость и потеха. Нужно, дескать, самим сделать другую землю сначала» [Платонов, 2011b, с. 276]. И спустя малое время «обломилось небо и выворотилась земля. Полилась отовсюду пакость и нечистота. Все увидели, что такое был белый свет, и насмеялись над ним. Мир кончился потешением и радостью. Земля и небо оказались пакостью, курником и никому не были больше надобны. Ериков полк наделал делов» [Платонов, 2011b, с. 277].

В том, что первоначально «новым людям» надлежало заняться делом знакомым и привычным — изничтожать «старое», сомнений не возникло. Но как обустроить новую жизнь? Герой рассказа «Изобретатель света — разрушитель общества, сокрушитель адова огня» (1922 г.) думает не о далеком, а о близком и важном: как накормить всех. И Епишка «устроил такие магниты, где дневной свет волновал магнитное поле и возбуждался электрический ток. ...С тех пор никто ни в ком не стал нуждаться: Епишка показал всем, как делать такие машинки, и все стали богатыми. Ни засуха, ни сибирские дороги, ни путь до звезды, ни миллионы родившихся детей — не стали страшными. Неуклонно тысячами солились огурцы в зиму и варилась ежедневно говядина в каждом горшке. Огромная сырая земля стала, как теплая хата, как грудь и молоко жены. Обнимай и соси. ...Ни государств, ни обществ, ни дружбы, ни любви на земле уже не было: человек человеку был нужен единственно по недостатку хлеба. Каждый втыкал в песок Епишкину машину — и она ему делала все.

Машина Елпидифора Баклажанова отперла вселенную... Сам Елпидифор с Апатитычем ездил на луну выпивать. Вселенная стала кувшином с молоком: купайся, живи, питайся и думай

всякий червь, всякая гнида и бессмертное тело. Потолстел человек» [Платонов, 2011b, с. 314].

В платоновской «революционной мечте» победа коммунизма на земле — только первый шаг. Его герои переделывают земной мир [Платонов, 2011d]. Так, в горных цепях были прорублены галереи для воздушных потоков, и горячий туркестанский вихрь с песком устремился к Северному полюсу. Были разморожены льды обоих северных океанов. Но природа не сдавалась. «В зиму 1923-24 г. замерзло Средиземное море и совсем не выпало снега, только морозный железный ветер скрежетал по пространству от Калькутты до Архангельска и до Лиссабона. И жили люди в смертельном ожидании. Во всю зиму ни тучей, ни туманом не запяталось небо. Исчезло искусство, политика и под кувалдой стихий перестраивалось само человеческое общество. Нация, раса, государство, класс — стали дикими бессмысленными понятиями — остались одни несчастные и герои.

...Человечество видело, сознавало, думало, изобретало и завоевывало себе жизнь через завоевание вселенной. Машины работали и лепили из корявой бесформенной жестокой земли дом человечеству. Это был социализм ...с единым сознанием и бессонным темпом работы» [Платонов, 2011d, с. 329-330].

Конечно, в рассказах первой половины 20-х гг. Андрей Платонов еще полон большевистских надежд и лишь изредка постигает их утопичность и губительность для человека. Но чем дальше, тем отчетливее в нем рождается собственное видение «революционной мечты» и невозможность с ней согласиться: «Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать» [Платонов, 2013, с. 199]. Уже в «Усомнившемся Макаре» герой жалуется Ленину на Сталина, питая, одновременно, очень и очень серьезные сомнения в утопии вождя революции» [Геллер, 1982, с. 152].

В этом же иронично-саркастическом ключе написана повесть «Ювенильное море» (1932), в которой «пародируемый Платоновым декретированный оптимизм первой пятилетки сильно отличается от настоящего трагического утопизма его предыдущих произведений» [Гюнтер, 2012, с. 89]. В безграничное пространство СССР устремлен инженер-электрик сильных токов Николай Вермо, «заряженный природным талантом

и политехническим образованием». Многообещающие, не чуждые реальности фантазии героя — добыча воды из «кристаллических гробов» в глубине земли — перемежаются с фантазиями сомнительными («отапливать пастушью курени весомою силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород...») [Платонов, 2011e, с. 387-388].

Фантазийность в концепте «революционная мечта» дополняется «фанатизмом», который в полной мере раскрывается в «Котловане» и «Чевенгуре». Вот герои «Чевенгура» большевики Чепурный и Пиюся, нацеленные на задачу ликвидации кулачества как класса, решают «дополнительно застраховать буржуев от продления жизни: они подзарядили наганы и каждому лежащему имущему человеку — в последовательном порядке — прострелили сбоку горло — через железки» [Платонов, 2011c, с. 231]. Все происходит обыденно, как теоретически фантазировал и фанатически проповедовал Ленин: для государства «вчерашних наемных рабов» дело подавления будет «сравнительно, легкое, простое и естественное, ...оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, ...оно обойдется человечеству гораздо дешевле» [Ленин, 1969a, с. 90].

Заключение

В какой мере бедствия были результатом трагических обстоятельств, а в какой — следствием «революционной мечты», в точности ни современники, ни «творцы» революции определить не могли бы. И у нас, по прошествии ста лет, осталось мало надежд узнать ответ на этот вопрос.

Библиографический список

- Алешин А. И. Размышление о феномене русского космизма // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 79-92.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советский писатель, 1963. 167 с.
- Бухарин Н. И. Азбука коммунизма / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. Петербург : Гос. изд-во, 1920. 321 с.
- Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж : Ymca-Press, 1982. 408 с.
- Гюнтер Ханс. По обе стороны утопии : Контексты творчества А. Платонова. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
- Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» на 1880 год // Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 26. Ленинград : Наука, 1984. С. 129-174.
- Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений.

Изд. 5. Т. 33. Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1969а. С. 1-120.

Ленин В. И. III, Коммунистический интернационал (Речи, записанные на граммофонных пластинках) // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 38. Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1969b. С. 230-231.

Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 44. Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1970а. С. 155-175.

Ленин В. И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 44. Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1970b. С. 221-229.

Никольский С. А. Живое и мертвое. Путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 210-220.

Платонов А. «...Я прожил жизнь». Письма, 1920-1950 гг. Москва : Астрель, 2013. 685 с.

Платонов А. Волы // Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. Т. 1. Москва : Время, 2011а. С. 258-260.

Платонов А. Ерик // Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. Т. 1. Москва : Время, 2011b. С. 275-277.

Платонов А. Котлован, Чевенгур. Т. 3. Москва : Время, 2011. 610 с.

Платонов А. Потомки солнца // Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. Т. 1. Москва : Время, 2011d. С. 329-334.

Платонов А. Ювенильное море. Море юности // Платонов А. Эфирный тракт: Повести 1920-х — начала 1930-х годов. Т. 2. Москва : Время, 2011. 560 с.

Толстая Е. Д. Мир после конца: Работы о русской литературе XX века. Москва : РГГУ, 2002. 509 с.

Чандлер Р. Платонов в пространствах русской культуры // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. Санкт-Петербург : Наука, 2004. С. 170-185.

Nikolsky S. A. Gorky: in search for the Honest Man // Russian Studies in Philosophy. 2019. Issue 5. Vol. 57. P. 379-397.

Seifrid T. A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit. Boston : Academic Studies Press, 2009.

Reference List

Aleshin A. I. Razmyshlenie o fenomene russkogo kosmizma = Reflection on the phenomenon of Russian cosmism // Voprosy filosofii. 2015. № 4. S. 79-92.

Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's poetics. Moskva : Sovetskij pisatel', 1963. 167 s.

Buharin N. I., Preobrazhenskij E. A. Azbuka kommunizma = The ABC of Communism. Peterburg : Gos. izd-vo, 1920. 132 s.

Geller M. Andrej Platonov v poiskah schast'ya = Andrej Platonov in search of happiness. Parizh : Ymca-Press, 1982. 408 s.

Gyunter Hans. Po obe storony utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova = On both sides of utopia : The Contexts of A. Platonov's creativity. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 216 s.

Dostoevskij F. M. «Dnevnik pisatelya» na 1880 god = «Diary of a writer» for 1880 // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah = Works in 30 vols. T. 26. Leningrad : Nauka, 1984. S. 129-174.

Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyuciya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyucii = The State and the Revolution. The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij = Works. Izd. 5. T. 33. Moskva : Izd-vo polit. lit-ry, 1969a. S. 1-120.

Lenin V. I. III, Kommunisticheskij internacional (Rечи, zapisannye na grammofonnyh plastinkah) = III, The Communist International (Speeches recorded on gramophone records) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij = Works. Izd. 5. T. 38. Moskva : Izd-vo polit. lit-ry, 1969b. S. 230-231.

Lenin V. I. Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosvetov. Doklad na II Vserossijskom s»ezde politprosvetov 17 oktyabrya = New economic policy and tasks of political enlightenment. Report at the II All-Russian Congress of Political Lights on October 17 // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij = Works. Izd. 5. T. 44. Moskva : Izd-vo polit. lit-ry, 1970a. S. 155-175.

Lenin V. I. O znachenii zolota teper' i posle polnoj pobedy socializma = On the meaning of gold now and after the complete victory of socialism // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij = Works. Izd. 5. T. 44. Moskva : Izd-vo polit. lit-ry, 1970b. S. 221-229.

Nikol'skij S. A. Zhivoe i mertvoe. Puteshestvie Andrey Platonova po carstvu smerti = The living and the dead. Andrej Platonov's journey through the kingdom of death // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 210-220.

Platonov A. «... YA prozhil zhizn'». Pis'ma, 1920-1950 gg = «... I have lived my life». Letters, 1920-1950. Moskva : Astrel', 2013.

Platonov A. Voly // Platonov A. Usonnivshijsya Makar : Rasskazy 1920-h godov; Stihotvoreniya = Doubted Makar : Stories of the 1920s; Poems. T. 1. Moskva : Vremya, 2011a. S. 258-260.

Platonov A. Erik // Platonov A. Usonnivshijsya Makar : Rasskazy 1920-h godov; Stihotvoreniya = Doubted Makar : Stories of the 1920s; Poems. T. 1. Moskva : Vremya, 2011b. S. 275-277.

Platonov A. Kotlovan, Chevengur = The Foundation Pit, Chevengur. T. 3. Moskva : Vremya, 2011c. 610 s.

Platonov A. Potomki solnca = Descendants of the sun // Platonov A. Usonnivshijsya Makar : Rasskazy 1920-h godov; Stihotvoreniya = Doubted Makar : Stories of the 1920s; Poems. T. 1. Moskva : Vremya, 2011d. S. 329-334.

Platonov A. YUvenil'noe more. More yunosti = Juvenile Sea. The Sea of Youth // Platonov A. Efirnyj trakt : Povesti 1920-h — nachala 1930-h godov = Ethereal tract : Stories of the 1920s — early 1930s. T. 2. Moskva : Vremya, 2011e. 516 s.

Tolstaya E. D. Mir posle konca: Raboty o russkoj literature XX veka = The world after the End: Works on Russian literature of the twentieth century. Moskva : RGGU, 2002. 509 s.

CHandler R. Platonov v prostranstvah russkoj kul'tury = Platonov in the spaces of Russian culture // Tvorchestvo Andrey Platona : Issledovaniya i materialy = Creativity of Andrey Platonov : Research and materials. Kn. 3. Sankt-Peterbúrg : Nauka, 2004. S. 170-185.

Nikolsky S. A. Gorky: in search for the Honest Man // Russian Studies in Philosophy. 2019. Issue 5. Vol. 57. P. 379-397.

Seifrid T. A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit. Boston : Academic Studies Press, 2009.

Статья поступила в редакцию 06.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 06.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication on 23.11.2021.